

Сергей Бортников

АГЕНТ ВОЖДЯ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Военные приключения

Сергей Бортников

Агент вождя

«ВЕЧЕ»

2017

Бортников С. И.

Агент вождя / С. И. Бортников — «ВЕЧЕ», 2017 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4484-7976-2

Читатели этой книги снова встретятся с уже полюбившимися им героями: профессором Фролушкиным и его лучшим учеником (а «по совместительству» — оперуполномоченным Главного управления государственной безопасности) Ярославом Плечовым, занимающимися поисками главной реликвии знаменитого княжьего рода Радзивиллов — золотых апостолов, пропавших после Отечественной войны 1812 года. Но за драгоценными скульптурами охотятся и их враги, уже добравшиеся до древнего Несвижского замка...

ISBN 978-5-4484-7976-2

© Бортников С. И., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Глава первая. Минск	7
Глава вторая. Поиск в темноте	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Иванович Бортников

Агент вождя

Роман

*Ближайшему другу, единомышленнику,
выдающемуся учёному-археологу,
доктору исторических наук
Сергею Евгеньевичу Рассадину
и в его лице всему братскому
белорусскому народу – самому искреннему
и душевному на нашей Земле —
посвящается сей скромный труд.*

С. Б.

* * *

«Военные приключения»® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательство „Вече“».

Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

© Бортников С. И., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

* * *

23 сентября 1938 года по решению всемогущего Политбюро ВКП(б) в структуре НКВД было воссоздано Главное управление государственной безопасности, которое возглавил Лаврентий Павлович Берия – старый большевик, давно снискавший среди соратников славу одного из наиболее жёстких и последовательных руководителей, способных в кратчайшие сроки решать самые сложные и ответственные задачи. В тот же день секретно-шифровальный отдел вернулся в «альма-матер» – теперь под номером «7». А уже через два месяца Берию и вовсе назначили Наркомом внутренних дел. После этого по органам понеслась очередная волна реорганизаций, о которой в советской прессе конечно же ничего не сообщалось. Правда, в интересующем нас подразделении сменился только один начальник. Пока...

Вместо, как оказалось (согласно выводам неназванной комиссии), «не справившегося с работой» Александра Дмитриевича Баламутова был назначен Алексей Иванович Копытцев ¹.

В целом же в Стране Советов жизнь шла по ранее намеченным планам. Международное положение неустанно улучшалось, промышленность осваивала новые горизонты, благосостояние населения росло.

Короче, как сказал сам товарищ Сталин, выступивший на «Первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц – стахановцев»: «Жить стало лучше. Жить стало веселее! А когда весело живётся, работа спорится!»

О том, что наверху не всё так гладко, народ только догадывался.

¹ См.: Сергей Бортников. Секретный сотрудник. М.: Вече, 2017.

Но вслух свои сомнения озвучивать не спешил.

Чревато...

Да и некогда ему по большому счёту без пользы ворочать языком – надо выполнять планы третьей пятилетки, чтобы в скором времени «догнать и перегнать по уровню производства продукции на душу населения развитые капиталистические страны»².

Советская Белоруссия старалась ни в чём не отставать от других братских республик.

И ей это успешно удавалось.

Многочисленные трудовые коллективы и их отдельные передовые члены постоянно побеждали во Всесоюзном социалистическом соревновании, а значит, регулярно получали переходящие знамёна, ордена-медали и денежные премии.

Особенно отличились при этом пролетарии из Бобруйска Станкевич и Парфимчик, токарь витебского завода имени Кирова товарищ Лин, представительница той же славной рабочей профессии Галля (да-да, именно с двумя «л»!) Нехайчик с минского завода цепей, фрезеровщик Шибко, работники минского завода имени Октябрьской революции Драгун и Ивашко, о которых тогда трубили все местные (республиканские) и центральные (общесоюзные) средства массовой информации.

А что в то время включало в себя ныне распространённое понятие СМИ?

Конечно же речь шла главным образом, о газетах, коих расплодилось невероятное множество – доступных, массовых с многомиллионными тиражами – и журналах: «Колхозник», «Огонёк», «Крокодил»...

Некоторые из этих названий и ныне на слуху!

Неуклонно возрастал и научно-культурный уровень трудящихся, о повышении которого теперь наряду с белорусскими товарищами заботились и наши главные герои – профессор Фролушкин и его аспирант Ярослав Плечов.

В конце августа 1939 года Фёдор Алексеевич, отгуляв очередной законный отпуск, вернулся из Москвы в Минск и с новыми силами взялся за многогранную просветительскую деятельность, которую профессор проводил и в ставшем родным университете, и в различных подразделениях НКВД, и в различных трудовых коллективах по всем городам и весям советской Белоруссии, где он часто выступал в составах различных лекторско-пропагандистских групп.

География таких поездок значительно расширилась после 17 сентября 1939 года, но мы, кажется, немного опередили время...

² И.В. Сталин. Отчётный доклад на 18-м съезде партии о работе ЦК ВКП (б) 10 марта 1939 года.

Глава первая. Минск

Ярослав встретил Фролушкина на Центральном железнодорожном вокзале, недавно гостеприимно распахнувшем все свои двери и ворота после длительной реконструкции.

Плотно прижался к учителю своим, казалось бы, не самым выдающимся (но только с виду!) торсом, и в такой позе несколько минут, ни слова не говоря, они постояли на продуваемом всеми ветрами перроне.

После чего, всё так же молча, Плечов подхватил тяжёлый кожаный чемодан, под завязку набитый личными вещами профессора да гостинцами от Натальи свет Ефимовны (в числе которых главным образом её же домашние снадобья), и под мелким, морозящим, но таким долгожданным дождём, впереди Фёдора Алексеевича вышел на привокзальную площадь, где их поджидал новенький автомобиль-такси необычной и невероятно весёлой жёлто-сине-голубой раскраски (один из трёх, недавно поставленных в Минск прямо с завода) под управлением знакомого водителя по имени Анатолий, ранее уже не раз обслуживавшего Яру в многочисленных поездках по белорусской столице.

Тот издали заметил постоянного клиента и заранее услужливо поднял кверху заднюю – пятую – дверь своей роскошной «тачки».

Плечов высоко занёс поклажу, чтобы опустить её в просторный багажник, и в этот момент на его плечо легла чья-то крепкая рука.

Как выяснилось спустя мгновение – старшего майора Цанавы.

А кто бы ещё позволил себе такое?

– Вы свободны, товарищ таксист! – жёстко рубанул Лаврентий Фомич, обращаясь к опешившему водителю.

Был он в штатском, но речь – отрывистая, чёткая, приказная – не оставляла сомнений в том, что этот человек носит погоны и занимает достаточно высокое положение в обществе.

– Но как же... – неуверенно стал протестовать Анатолий, одновременно надувая густо покрасневшие щёки, однако улыбчивая физиономия Ярослава Ивановича и – особенно – крупная купюра, оказавшаяся в его руке, мгновенно уладили наметившееся недоразумение.

– А вы, товарищи, пройдите со мной, – в своей излюбленной шутливо-ироничной манере продолжал распоряжаться Цанава.

– С огромным удовольствием.

– Да, кстати, оцените и моё новое «корыто»... На прошлой неделе получил. Выходит, ценят в Москве наш нелёгкий труд?

– Шарман! – припомнил некогда любимое изречение, изрядно подзабытое в последнее время, Фёдор Алексеевич, усаживаясь рядом с Ярой на удобное заднее сиденье семиместного советского лимузина ЗИС-101. Кстати, марка машины оказалась точно такой же, как и у ранее поданного таксомотора, но вот её эксклюзивная чёрная окраска свидетельствовала о том, что авто находится в распоряжении «большого человека», скорее всего, – члена правительства.

А это вам не хухры-мухры!

Бодро рванув с места, новорожденное детище славного отечественного автопрома сначала направилось в сторону центра города, но вскоре круто изменило маршрут, свернув на одну из узких второстепенных улиц.

– Куда едем? – заподозрив подвох, нервно поинтересовался Фёдор Алексеевич.

– Как куда? Домой. К Ярославу Ивановичу.

– Сынок, родной, ты наконец-то получил собственную жилплощадь? – наконец догадался профессор.

– Так точно! Хватит мыкаться по чужим квартирам, теперь у нас с Ольгой есть своя. Двухкомнатная.

– А как же я?

– Поживёте пока у нас. Потом посмотрим.

– Как-то некрасиво получается... У меня дома места всё-таки больше. Просторней, уютней, да и к университету наверняка ближе.

– Напрямик отсюда до вашей работы тоже недалеко будет, – успокоил его нарком. – Опять же парк рядом, – он ткнул пальцем в боковое окно, за которым росли несколько длинных рядов молодых тополей и клёнов, разбавленных невысокими хвойными деревцами: то ли ёлочками, то ли сосенками. – Река. Одним словом – есть, где развернуться по полной программе... Или вы того... Прекратили заниматься спортом?

– Нет-нет, что вы? В Москве каждый день бегал. По Садовому Кольцу.

– Сразу за вон той аллею – направо, – на всякий случай подсказал Плечов, заметив, что водитель не сбавляет скорости. А пора! Иначе можно не вписаться в крутой поворот...

– Не волнуйся, он знает, – спокойно отреагировал на его опасения Цанава.

ЗИС плавно съехал с шоссе на основательно разбитую грунтовую дорогу, ведущую к одинокой пятиэтажке (подъездные пути всегда были бичом советских новостроек!) и вскоре остановился напротив последнего подъезда.

– Зайдёте, Лаврентий Фомич? – забирая багаж, подмигнул наркому Фролушкин.

– Непременно. Если предложите, конечно, бокал-другой хорошего вина.

– Вина не обещаю. А вот хорошего коньяка – сколько душе угодно!

– Нашего, кавказского?

– Нет. Ихнего. Буржуйского.

– У меня уже слюнки текут...

* * *

Малыш крепко спал, и Ольга, не скрывая удовольствия, присоединилась к расположившимся на кухне мужчинам. Там впрытик хватало места только для четырёх (и то не самых крупных) особей, но водитель остался в наркомовской машине, и особых неудобств наши герои не ощутили.

Недаром же в русском народе говорят: «В тесноте, да не в обиде!»

А вот остальные помещения оказались достаточно вместительными, просторными, метров по двадцать – двадцать пять, и – что немаловажно – отдельными (большая, между прочим, редкость для тех спартанских времён).

– Одна комната – наша, одна – твоя, отец! Выбирай любую, какая больше нравится! – не теряя времени, предложил Ярослав, проводивший для «дорогих гостей» краткосрочную экскурсию по своим апартаментам, в то время как его супруга крошила на кухне винегрет (на «ты» с Фёдором Алексеевичем он по-прежнему переходил лишь в самых исключительных случаях – сейчас, видимо, таковой настал). – И так будет всегда: мой дом – твой дом!

– Спасибо! Ты самый лучший сын на свете... – Фролушкин поставил свой чемодан у спинки широченной железной кровати, стоявшей посреди комнаты, и начал шарить в нём, пытаясь найти обещанный Цанаве напиток. Наконец нащупал узкое горлышко и, спустя мгновение, вытащил на свет красивую фигурную бутылку. Заодно прихватил и попавшийся под руку бумажный пакет с пирогами.

– Готово! – тем временем донеслось из кухни.

Мужчины выстроились в шеренгу и гуськом потянулись на женский зов по свежеекрашенному коридору.

– Выпьешь с нами, доченька? – решил не тянуть резину Фёдор Алексеевич.

– Нет, что вы? Я ведь ещё кормлю, – зарделась-засмушалась Фигина.

– Второй год парню... Ты что же, до совершеннолетия его сиськой баловать собралась?

– Время покажет... Ну да ладно, пойду к Шурику, вы и без меня управитесь.

На столе уже стояли три тщательно протёртых абсолютно одинаковых стакана из какого-то подарочного сервиза, купленного молодожёнами сразу по прибытии в Минск. Профессор, не медля, наполнил их практически до краёв и предложил «собутельникам» выпить за свой долгожданный приезд.

Лаврентий Фомич тщательно отрепетированным движением опрокинул посудину и, ещё не допив до конца, восхищённо взвёл вверх большой палец правой руки, демонстрируя своё отношение к дегустируемому напитку, после чего, игнорируя стоящий возле него в огромной миске овощной салат, накинудся на мясные деликатесы, которых Ольга накромсала целый медный поднос.

Славка напротив – лишь слегка пригубил напиток и принялся паковать за обе щёки винегрет, по которому успел основательно соскучиться.

Фёдор Алексеевич, всегда и во всём предпочитавший золотую середину, решил действовать по-иному. Он выплеснул внутрь себя ровно полстакана и теперь степенно, без лишнего, по его же собственному выражению, ажиотажа, начал поглощать разнообразную закуску, отдавая поочерёдно предпочтение то «пальцем напханной колбасе», то паленднице³ – и всё это вперемишку с овощами (картошкой, свеклой, фасолью, кислыми огурцами и капустой), входящими в состав популярного русского блюда под французским названием винегрет, а также привезёнными из Москвы домашними пирогами, которые профессор использовал вместо хлеба.

Как вдруг... За стеной раздался звонкий крик. Недолгий, но требовательный.

– Санька! – улыбнулся счастливый Плечов, ставя на стол недопитый стакан. – Выпейте, товарищи... За его здоровье!

– А ты?

– Я, пожалуй, воздержусь.

– Если так обмывать собственного первенца, – возмущённо пробубнил Цанава, исподтишка наблюдавший за тем, как профессор откупоривает следующую бутылку с броской оригинальной этикеткой, – то он непременно вырастет немощным и хилым... За наследника надо до последней капли!

– Не могу. Давно не тренировался.

– Тот, кто называет себя мужчиной, без предварительной подготовки в любое время дня и ночи обязан дать отпор любому – даже более сильному противнику, выпить грамм сто пятьдесят-двести горячительного напитка, – и удовлетворить самую знойную женщину. Согласен?

– Так точно, товарищ старший майор!

– Что ж, гордись: принимаю тебя в кавказцы.

– Спасибо за доверие...

– За это и выпьем!

– Охотно.

– Только до дна!

В этот момент дверь скрипнула, и на пороге кухни выросла щуплая фигурка Фигиной с крепким белокрысым бутузом на руках, плотно прижимающимся к маминому телу.

– Теперь моя очередь! – не терпящим возражений тоном заявил Лаврентий Фомич, одновременно жестом наказывая профессору очередной раз наполнить тару. – Тост! Ещё в глубокой древности философы всех мастей пытались выяснить, в чем же заключается смысл нашей земной жизни. Причём некоторые из них не без оснований утверждали, что истина в вине. Если выразаться на латыни: «Ин вино веритас!»

– Не забывайте, дражайший Лаврентий Фомич, у этой фразы есть малоизвестное продолжение...

³ Палендница – сыровяленая свинина. Блюдо, чрезвычайно популярное в Польше, Белоруссии и Западной Украине.

– Да? И какое?

– «А здоровье – в воде!» – уточнил профессор.

– Возможно, – ничуть не стусевался нарком, продолжая и дальше гнуть свою линию. – Кто из нас не любит собраться с друзьями, чтобы поболтать по душам под рюмочку-другую превосходного грузинского вина? Да и все лучшие идеи зарождаются именно в дружеской беседе под воздействием этого чудотворного напитка! Но есть вещи, которые пьянят больше вина. Женщины... Именно они делают нас настоящими мужчинами. За прекрасных дам, за барышень, за советских тружениц и самую достойную из них, твою, Ярослав Иванович, супругу Ольгу Александровну!

– С удовольствием! – откликнулся Ярослав.

– Прекрасно! Или, как любит выражаться товарищ профессор – шарман, что в переводе с французского означает прелестно, великолепно, если мне, конечно, не изменяет память.

– Разве такому красавцу кто-то может изменить? – подыграла разошедшемуся наркому Фигина. – Тем более, какая-то взбалмошная память.

– Правильно мыслите. Эх, хороша всё-таки зараза!.. Правда, немного отдаёт клопами – однако, терпимо... Может, ещё по единой, как смотрите на такое предложение?

– Не возражаю, – вошёл в раж Фролушкин.

– «Хенесси»... Где вы его берёте?

– Раньше я частенько ездил по заграницам и регулярно контактировал с людьми, знающими толк в добротной выпивке.

– Замечательно... И как много у вас такого добра?

– К сожалению, почти ничего не осталось. Одна-две, может, три бутылки из некогда огромной коллекции.

– Злоупотребляете?

– Нет. Изредка наслаждаюсь. Причём делаю это с огромным удовольствием. Совсем не так, как мой любимый ученик – я имею в виду Ярослава Ивановича.

– И правильно! Выпивка ведь не самоцель, а средство для поднятия тонуса. Питьё должно быть в радость, в кайф – как говорит наша сегодняшняя молодёжь!

– Логично.

– Водка для таких целей абсолютно не подходит. Это напиток для тех, кто хочет напиться – и забыться. Потому и потребляют её залпом, кривясь, морщась, занюхивая рукавом.

– Правильно!

– Я вот что задумал... Чтобы пополнить иссякающие запасы, мы вам непременно выпишем внеочередную долгосрочную командировку за рубеж – во Францию, к примеру, уважаемый Фёдор Алексеевич.

– Двумя руками – «за»!

– Завтра же позвоню своему влиятельному другу, кстати, земляку и тёзке...

– Лаврентию Павловичу? – мгновенно догадался Фролушкин.

– А то кому же... Пусть он поможет определить вас на какой-нибудь международный философский конгресс, а?

– Не возражаю. Только не сейчас. Работы много – как-никак на носу новый учебный год. Вот в январе, на зимних каникулах, в самый раз будет.

– Что ж. Договорились. В январе – так в январе. Давайте ещё по рюмашке – на коня, и я посакал.

Выпили.

Закусили.

– Спасибо, Лаврентий Фомич, что не побрезговали, провели нашу дружную семейку, – промокнув салфеткой губы, отвесил вежливый поклон Ярослав. – Заходите в любое время дня и ночи, товарищ старший майор, мы с Оленькой всегда будем искренне вам рады.

– Зайду непременно... А сейчас – пора. «Бывайце здаровы, жывице багата». Так, кажется, утверждается в популярной белорусской песне?

– Ну, почти... – снисходительно согласился Плечов, знавший толк в современной советской музыке.

– Что-то я не могу припомнить такого произведения, – сделала недоумённое лицо его благоверная. – Кто его исполняет?

– Лариса Александровская⁴... Впрочем, недавно эту песню спел твой любимый Утёсов. В переводе Михаила Исаковского...

– А в оригинале, кто автор сих прекрасных слов?

– Белорусский поэт Адам Русак! – с гордым видом сообщил Цанава, и в компании всезнающих философов старавшийся не терять своё лицо.

– А по отчеству? – продолжала допытываться любознательная Ольга.

– Герасимович... Впрочем, рановато ещё его по батюшке величать. Только-только тридцать пять мужику исполнилось.

– А вам сколько лет, если не секрет? – не замедлил поддеть его Плечов. Как это у него не раз уже получалось – в стихотворной форме.

– Нет конечно, – не стал напускать туман нарком. – Какие тут могут быть секреты? Сороковой пошёл.

– Четыре года разницы. Всего-то навсего? А говорите – рановато...

– Тебя забыл спросить, – улыбнулся Цанава.

– Нет, три-четыре десятка лет – это уже не мало, как ни крути, как ни верти, – большая и лучшая половина жизни позади! – не сдавался Ярослав.

– Я погляжу, ты, как Пушкин, уже стихами говорить начал, – пробурчал Лаврентий Второй, как его за глаза называли подчинённые. – Нарком сказал рановато, значит, рановато!

– Уймись, детки! Прекратите бессмысленные прения. Вот доживёте до моих седин, тогда и будете дискутировать на столь щепетильную тему! – быстро поставил их обоих на место Фёдор Алексеевич.

Упрямый Яра всё равно раскрыл рот, собираясь «продолжить прения», но его благоверная, не любившая псевдонаучные споры, решила повернуть разговор в совсем другое русло:

– Видишь, родной, как мы с тобой отстали от новаций культурной жизни?

– Нет, не вижу...

– Не ходим ни в театр, ни на концерты, ни в кино. Куда такое годится?

– Так ведь ребёнок у нас, Оленька... Махонький... Потерпи немного.

– Дети ни в коем случае не должны мешать неустанному повышению культурного уровня родителей.

– Совершенно верно! – поспешно принял сторону хозяйки Цанава. – Скоро в Минске состоится очередной отчётный концерт народных исполнителей и творческих коллективов советской Белоруссии, у меня, к счастью, осталось несколько лишних пригласительных билетов. Не побрезгуете?

– Что вы такое говорите, уважаемый Лаврентий Фомич? Всей семьёй непременно посетим это уникальное мероприятие!

– Старика уважить не забудьте! – напомнил о себе Фёдор Алексеевич, вытирая руки небольшим вафельным полотенцем.

– А с Шуриком кто останется? – строго спросила Фигина.

– Понял, всё понял... Вот, значит, ради чего вы меня к себе заманили, – шутливо запричитал профессор. – Нянька бесплатная понадобилась!

⁴ Лариса Помпеевна Александровская (1902–1980) – белорусская советская оперная певица, народная артистка СССР (1940).

– Я дам три пропуска – на всех, а кто кого глядеть будет – вы и сами разберётесь. Пошли, Ярослав Иванович, проведёшь меня к машине...

* * *

Пригласительные оказались во внутреннем кармане наркомовского френча. Так что по большому счёту сходить вниз было вовсе не обязательно.

Впрочем, Цанава ещё на лестничной клетке отдал билеты своему спутнику и завязал странный, совершенно неожиданный для Плечова, разговор:

– Признавайся, Ярослав Иванович, кто подвозил тебя в «Серебряном призраке»?

– В чём?

– Не делай глупое лицо – оно тебе совершенно не идёт. Отвечай! Быстро! Честно!

Его чёрные глаза не излучали лютой злобы или чрезмерной ненависти, но голос – даже больше, чем обычно – властный, требовательный, зычный, не оставлял сомнений в том, что шуточками на сей раз отделаться не удастся, что, если на самом деле собираешься выйти сухим из воды, следует говорить «правду и только правду».

А делать этого никак нельзя!

Следовательно, придётся снова врать... Причём так, чтобы ложь выглядела, как можно убедительнее.

– Честно говоря, я не могу понять, чего вы хотите от меня добиться, товарищ старший майор? – начал тянуть время Ярослав, лихорадочно пытаюсь сформулировать (и обосновать – то есть подкрепить соответствующими аргументами!) хоть какую-то более-менее правдоподобную версию.

– Что за люди подвозили вас в автомобиле иностранного производства?

– Когда?

– Чуть более месяца тому назад?

– Ах, да! Точно. Я приехал на вокзал, чтобы узнать, не изменилось ли расписание движения поездов – Фёдор Алексеевич как раз собирался в отпуск в Москву, а билеты, сами знаете, лучше заказывать заранее...

– Не знаю. У нас с этим никаких проблем нет. Так что обращай при случае – поможем.

– Да как-то неудобно всякий раз использовать ваше высокое служебное положение.

– Неудобно спать на потолке – одеяло спадает. Что ещё расскажешь?

– Значит, я уже надумал возвращаться обратно, когда меня окликнул водитель этого самого, как вы говорите, «Серебряного призрака»...

– С какой целью?

– Спросил, как проехать на площадь Свободы... Пардон, уточняю, он сказал «Пляц Воли»⁵...

– Поляк?

– Не думаю... Скорее – наш человек. Белорусских, если можно так сказать, кровей. Но, как мне кажется, он давно не был на родине.

– Продолжай!

– Слушаюсь!.. Второй, тот, что сидел сзади, держал в руках подробную карту города, на которой хорошо был виден интересующий их объект.

– То есть они намеревались попасть в правительственный квартал?

– Я бы не ставил вопрос таким образом...

– Почему?

– Как ни странно, наше правительство их совершенно не волновало.

⁵ Пляц Воли переименовали в площадь Свободы задолго до описанных событий – ещё в 1934 году.

- Интересно, как ты пришёл к такому выводу?
- Так ведь они сами сказали, что приехали из Москвы, чтобы собственными глазами увидеть легендарный костёл иезуитов.
- Это что ещё за хрень?
- Архиепархиальный собор Святого Имени Пресвятой Девы Марии...
- У нас даже таковой имеется?
- Да. Причём – в самом центре Минска.
- И зачем он им дался?
- Для изучения и дальнейшего научного описания. С целью включения этого шедевра архитектуры в списки некоего культурного наследия – так, во всяком случае, они объяснили мне свой интерес к нашему собору.
- А... Выходит, эти двое – ваши коллеги-учёные?
- Так точно. Религиоведы.
- Они и вправду на них похожи?
- Как вам сказать...
- Честно!
- Вам должно быть известно, что сегодня потомственных интеллигентов даже в нашей научной среде днём с огнём не найти. Сплошь и рядом – лица исключительно пролетарского происхождения. Или потомственные земледельцы.
- Разве это плохо?
- Хорошо. Только и ошибиться нынче немудрено.
- Ясно. Описать их можешь?
- Да. Тот, что за рулём, – приблизительно одного возраста со мной, – скуластый, с умными пронизательными глазами. Второй – постарше и попроще будет... Лоб уже, плечи шире. Вот если б их поменять местами – вышла б картина маслом.
- Поясни.
- Водитель, хоть и моложе выглядит, с виду больше напоминает научного руководителя какого-то ответственного и важного научного проекта... А его товарищ, напротив, – вылитый трудяга с агитационного плаката первых пятилеток.
- Дальше что?
- Дальше? Я напросился в попутчики, мол, мне тоже в ту сторону... Они не возражали.
- Ты ничего не упустил?
- Нет. Да, кстати, я даже запомнил номер машины.
- Диктуй!
- Семьдесят три ноль два...
- А буквы?
- Буквы? Кажись, «АА»...
- Кажись или точно?
- Точно – две «а». Семьдесят три ноль два. На чёрном фоне.
- Такого номера не существует в природе – мы проверили. Как ты объяснишь такой феномен?
- Не знаю, – удивлённо пожал плечами Ярослав. – Я в этом не смыслю...
- Ладно... Считай, что нарком тебе поверил. Если вдруг встретишь случайно кого-нибудь из этих ребят, сразу звони мне в наркомат по прямому телефону.
- Договорились, Лаврентий Фомич.
- Номер помнишь?
- Естественно.
- Сам задержать злоумышленников лучше не пытайся – они могут быть вооружены.
- Понял...

- И на концерт не забудь прийти. С милейшей Ольгой Александровной.
- Спасибо. Постараюсь. Если не заставят остаться с Шуриком.
- А у тебя что, голоса в семье совсем нет?
- Почти.
- Плохо! Мужик должен быть главным в доме. Сказал – как отрезал. Остальные должны взять под козырёк и приступить к немедленному выполнению.
- Ваши б слова да моей Фигиной в уши...
- Кстати, почему она не стала менять фамилию?
- А зачем ей лишняя морока?
- Что ты имеешь в виду?
- Вот защищусь – и отпущу супругу на дальнейшую учебу – повышать, так сказать, квалификацию. А в уже имеющемся дипломе – другие данные. Придётся менять, а это целая проблема.
- Чудишь... Жена должна носить фамилию мужа. И на этом точка! Как я погляжу, ты только руками горазд махать, а как твёрдость характера проявить-продемонстрировать надо – так сразу в кусты. Не орёл, как говорят у нас на Кавказе, не мужик, а самый настоящий подкаблучник. Собственную бабу на место поставить не можешь.
- Просто не считаю нужным, товарищ старший майор. У нас в семье – полное равноправие.
- От такого равноправия одни проблемы в обществе...
- Вам не нравится линия, которую проводит партия большевиков? – не удержался от шпильки Ярослав.
- При чём тут наша партия? Поверь мне – красивую женщину можно удержать исключительно силой.
- Других вариантов нет?
- Нет! Любая супруга должна ежечасно, ежесекундно чувствовать за собой крепкую мужскую спину. И руку! Иначе она непременно сбежит к другому. При первом удобном случае.
- А нежностью, любовью, лаской заставить уважать себя нельзя?
- Не знаю... У меня так почему-то не получалось.

* * *

1 сентября 1939 года начался не только новый учебный год, но и... Вторая мировая война. Хотя современники о том вряд ли догадывались: речь шла исключительно о, как сейчас говорят, локальном германо-польском конфликте.

Пока...

Кстати, воинствующие поляки объявили о начале всеобщей мобилизации чуть ли не за полгода (22 марта 1939 года!) до нападения на них фашистов, с которыми «бедная овечка Польша» ещё в 1934 году подписала договор «О дружбе и ненападении».

(Да-да, точно такой же, как и ненавистный СССР, который, между прочим, совершил аналогичный шаг значительно позднее).

Тогда нашим западным соседям удалось поставить под ружьё до полутора миллионов человек. Из них наспех сколотили 39 пехотных и 11 кавалерийских дивизий, 3 горных и 2 мотомеханизированных бригады, на вооружении которых в то время состояло около 700 танков и 800 самолётов.

Не помогло!

Для полной оккупации страны, ранее не в меру бахвалившейся своей военной мощью, Гитлеру хватило и двух недель. Красная армия участия в разгроме Польши практически не

принимала – Сталин ввел войска на ее территорию только 17 сентября, когда всё уже было решено.

Предлог для этого избрали самый благовидный: освободить (некоторые теперь берут это слово в кавычки!) белорусов и украинцев, проживающих в Восточной Польше от панского гнёта.

Сделать это предстояло силами всего двух фронтов: Украинского под командованием Семёна Константиновича Тимошенко и Белорусского под командованием Михаила Прокофьевича Ковалёва.

Они включали в себя 1,5 миллиона человек, 6191 танк, 1800 самолётов и 9140 артиллерийских орудий.

Жители белорусских городов и сёл, люто ненавидевшие польскую шляхту, поднимали народные восстания, как только узнавали, что Красная армия перешла западную границу.

Например, в Скиделе⁶ бунтари захватили почту и полицейский участок, самих же правоохранителей просто разоружили и отпустили по домам.

Такая же участь постигла и солдат, находившихся в воинском эшелоне, застывшем неподалёку на железнодорожных путях...

Однако...

Спустя всего пару часов в город ворвались польские «жолнежы»⁷, усиленные ротой гродненских жандармов, и сразу же с усердием принялись за «дело».

Три десятка восставших скидельчан были расстреляны без суда и следствия. Причём перед казнью над ними всячески издевались: вырывали глаза и языки, ломали пальцы рук и ног, били так, что на людях не оставалось живого места...

Более остальных досталось члену подпольного райкома Коммунистической партии Западной Белоруссии товарищу Лазарю Почимку. Ему отсекали уши, выкололи глаза, а на груди и спине вырезали ненавистные звёзды...

Около двух сотен мирных жителей свободолюбивого Скиделя каратели согнали на соборную площадь, положили лицом вниз и стали избивать прикладами, заставляя есть и целовать родную землю. Да ещё и приговаривали при этом:

– То есть наша земля – польска, вам, быдлу, на ней никогда не жить!

Пока одни польские солдаты и жандармы зверски глумилась над белорусами под стенами храма, другие – бросали гранаты, факелы и зажигательные смеси в дома сторонников СССР. А сочувствующих граждан, пытавшихся организовать тушение возникших пожаров, отгоняли выстрелами из всех видов оружия.

В тот день дотла сгорели 19 строений, многие из них – вместе с женщинами и детьми...

Но и это было ещё не всё.

Самое страшное ожидало восставших впереди!

Точнее, могло ждать, если бы ранее намеченный сценарий не сорвался самым чудесным образом.

Итак...

Ближе к вечеру из числа людей, пролежавших весь день на площади, поляки отобрали «наиболее активных граждан» и погнали на расстрел в сторону реки Котры⁸.

Но в этот момент...

Из-за леса показалась первая танкетка с красной звездой на башне. Это на выручку братьям-белорусам спешил летучий отряд красноармейцев во главе с капитаном Чернявским.

⁶ Сейчас Скидель – город-спутник Гродно.

⁷ Жолнеж – солдат (польск.).

⁸ Котра – небольшая река, протекающая по территории Литвы и Гродненской области Белоруссии; правый приток Немана.

Два броневика и два танка из передовой колонны оказались по завязку набитыми оружием, которое сразу же раздали жителям окрестных деревень. С их помощью Скидель быстро очистили от ненавистного врага.

Похожая история случилась и в соседнем Гродно, где поляки за два дня казнили около сотни человек.

Однако ни Фролушкин, ни Плечов ещё ничего не знали об этих печальных событиях.

И даже могущественный Цанава, по всей видимости, не знал о том, что произойдёт в ближайшие дни...

* * *

Семнадцатого сентября Шурик, которого Ольга, руководствуясь своим пока ещё недолгим материнским опытом, справедливо считала «ранней пташкой», почему-то упрямо не хотел просыпаться.

Может, он, каким-то особым, данным свыше младенческим чутьём определил, что сегодня воскресенье, у любящих родителей – долгожданный (единственный в неделе!) выходной, и ему следует предоставить им редкую возможность полноценно отдохнуть?

Но ещё в шесть утра по находящейся всего в нескольких сотнях метров от их нового дома автомобильной дороге прогреготала первая колонна тяжёлой военной техники; за ней вторая, третья...

Чтобы не тревожить жену, Славка тихонько поднялся и пошёл на кухню, окна которой выходили на новое шоссе. Отодвинул шторы и пристально взгляделся вдаль.

Неужели война?

Не зря же её тошнотворный запах висел в воздухе уже несколько лет!

А?

Предчувствия не обманули Ярослава Плечова.

Несколько часов тому назад передовые части Белорусского и Украинского фронтов перешли советско-польскую границу. И сейчас за ними следом в западном направлении спешно устремились вспомогательные и тыловые службы...

Теперь – пара слов об этой, ныне непопулярной войне, которая имела налицо все признаки, как считают многие, заурядной миротворческой операции.

Итак...

Советским войскам категорически запрещалось подвергать авиационной и артиллерийской бомбардировке любые населенные пункты и уничтожать не оказывающего вооружённого сопротивления противника.

До и во время операции личному составу Красной армии неоднократно разъяснялось, что наша армия пришла в Западную Белоруссию и Западную Украину «не как завоеватель, а как освободитель украинских и белорусских братьев».

Кроме того, командиры и политработники были обязаны при каждом удобном случае указывать подчинённым «на необходимость соблюдения должного такта и вежливости по отношению к местному населению». При этом непременно подчеркивать, что их главная задача – «не допустить захвата Германией земель, населённых братскими нам народами».

Кроме этого, особое внимание следовало обращать на необходимость охраны жизни и имущества всех украинских и белорусских граждан, тактичного и лояльного отношения к польскому населению, особенно – к государственным служащим и военным.

Кстати, чуть не забыл: всем беженцам из западных регионов Польши предоставлялось право беспрепятственно перемещения в глубь Страны Советов.

При всём при этом РККА всячески старалась избегать прямого вооруженного соприкосновения с частями польских вооруженных сил.

И на земле, и в воздухе.

Славные красные соколы не могли открывать огонь по вражеским самолетам, если те не вели бомбометание или обстрел наступающих советских войск.

Польские части, не оказывавшие сопротивления и добровольно сложившие оружие, практически сразу же распускались по домам. Интернировались исключительно офицеры.

В то же время частям Красной армии предписывалось «действовать решительно и продвигаться быстро» при соприкосновении с вроде бы как «дружественными», как теперь говорят, чуть ли не «союзными» немецкими войсками, дабы не дать им возможность захватить районы, издревле заселенные этническими украинцами и белорусами.

При попытке же противника (читайте – подразделений вермахта!) завязать встречный бой надлежало, не стесняясь в средствах, оказывать ожесточённый вооружённый отпор.

И отдельные боевые столкновения между двумя армиями, которые сейчас многие хотят поставить на одну доску, обвиняя в одинаково агрессивных планах, действительно случались. Кто бы и что не говорил!

Так, уже в первый день освободительного похода, части 21-го немецкого армейского корпуса восточнее Белостока⁹ подверглись бомбардировке с воздуха советской авиацией и понесли значительные потери убитыми и ранеными.

В свою очередь, вечером 18 сентября у местечка Вишневец¹⁰, что в 85 километрах от Минска, вражеская бронетехника обстреляла расположение 6-й стрелковой дивизии РККА; при этом погибли четверо красноармейцев.

Всего же потери Белорусского фронта составили 316 человек убитыми и 642 ранеными. Да... Ещё...

Одна маленькая, но очень важная деталь: местные жители встречали советские войска красными знаменами, плакатами «Да здравствует СССР!», цветами и конечно же неизменным хлебом-солью.

Но сегодня об этом многие уже забыли...

Ну а интересующий нас Несвиж был освобождён в числе первых населённых пунктов в Западной Белоруссии – в 4 часа утра 17 сентября 1939 года.

Уже на следующий день там было введено Временное управление. Его председателем избрали выходца из беднейших белорусских крестьян Николая Ивановича Сиротко.

С этим человеком, точнее, с его фамилией, связана невероятная, чуть ли не анекдотическая история...

В Несвижском замке с 1935 года проживал один из Радзивиллов – Леон. В ночь с 18 на 19 сентября 1939 года его разбудил телефонный звонок.

– Кто? – строго спросил наследник замка.

– Николай Сиротко, – представился незнакомец.

А ведь именно так (только с окончанием «а» в конце фамилии) звали основателя Несвижской династии Радзивиллов! Естественно, Леон подумал, что его разыгрывают – и бросил трубку.

Пришлось звонить ещё раз:

– Я – комиссар Сиротко и хочу встретиться с вами!

Позже Леон очутился в застенках НКВД и в конечном итоге был обменян на группу итальянских коммунистов, в числе которых оказался и всемирно известный Пальмиро Тольятти.

⁹ Теперь – город на северо-востоке Польши, административный центр Подляского воеводства.

¹⁰ Тогда – деревня, а сейчас – агрогородок на автодороге Минск – Несвиж.

Николая же Ивановича вскоре (в октябре 1939 года) утвердили первым секретарём Несвижского РК КП(б) Белоруссии, а чуть позже – в марте 1940 года – избрали депутатом Верховного Совета БССР.

Но уже в конце 1941 году он пал смертью храбрых, освобождая одну из деревень Тульской области РСФСР в ходе героического контрнаступления советских войск под Москвой...

Народную милицию (Красную гвардию) Несвижского района возглавил товарищ Косичкин. Начальником райотдела внутренних дел стал Сурнин, старшим оперуполномоченным – бывший подпольщик К. П. Кудин (к сожалению, больше ничего об этих, несомненно, достойных людях, автору узнать не удалось). Только что созданные местные управления и крестьянские комитеты сразу взяли на учет всё государственное имущество и без промедления приступили к разделу помещичьей земли...

* * *

Фролушкин рвался, не медля, посетить свою малую родину. Но визит пришлось отложить до следующего воскресенья – работа! Да и концерт, на просмотр которого он вместе с другими членами семьи дал согласие наркому внутренних дел, пропускать вроде бы никак нельзя...

Компанию профессору в тот вечер составляла Ольга, примерявшая новое вечернее платье и теперь выглядевшая самой настоящей русской красавицей.

За няньку, как вы, должно быть, уже догадались, остался бедный Плечов.

В принципе он не очень и возражал – общение с первенцем, на лету хватавшим всё новые и новые впечатления своей пока ещё короткой безмятежной жизни и непосредственно, по-детски, но с доставшимся по наследству философским уклоном, осмысливавшим каждую секунду своего счастливого бытия, доставляло молодому отцу всё больше и больше неподдельного удовольствия.

* * *

Отчётный концерт исполнителей и творческих коллективов Белорусской Советской Социалистической Республики, как и ожидалось, удался на славу.

Фигина, с восторгом следила за мастерскими трюками удалых танцоров и с восхищением принимала каждую строчку душевных белорусских песен.

Время пролетело незаметно.

А когда начали звучать первые аккорды финального произведения, исполняемого огромным сводным хором, незнакомая женщина, сидевшая справа от профессора, неожиданно оставила своё место, освобождая его, как выяснится вскоре, для... Лаврентия Фомича Цанавы, который доселе наслаждался ярчайшим действием в правительственной ложе.

– И как вам зрелище? – тихо поинтересовался нарком, обращаясь к изумлённой Ольге.

– Великолепно!

– А где ваш муж?

– Предпочёл остаться дома.

– За няньку?

– Так точно! Кажется, так полагается отвечать военным людям по Уставу?

– Вас это совершенно не касается, очаровательная Ольга Александровна.

– Спасибо.

– Вы добирались сюда пешком?

– Нет. На такси.

– Разрешите в таком случае предложить вам свои услуги. Покамест – только транспортные. Домой поедет все вместе – в моём служебном автомобиле.

- С удовольствием.
- Профессора с собой берём?
- И не надейтесь, – поспешил подать голос всё видящий и всё слышащий Фёдор Алексеевич. – Избавиться от меня вам не удастся.
- Ну-у... Это мы ещё посмотрим! – улыбнулся старший майор.
- И в дальнейшем, пожалуйста, ведите себя прилично. Иначе сдам Славке, он из вас обоих котлеты сделает, – попытался обратить всё в шутку учёный.
- Слушаюсь! – с серьёзным видом согласился Лаврентий Фомич. – Да, кстати, на ближайших тренировках меня не ждите – выезжаю на освобождённые территории. С инспекцией.
- Эх, как бы я хотел отправиться туда вместе с вами...
- Так в чём же дело?
- Служба, мил человек!
- Так и мы вроде как без дела не сидим...
- Вашего отсутствия никто и не заметит. А у меня – сотни, нет – тысячи студентов. Уеду – кто будет сеять доброе, разумное, вечное?
- Логично, чёрт побери!
- Вот, даст Бог, доживу до выходного – и в Несвиж.
- Вы там родились, если не ошибаюсь?
- Именно, милейший Лаврентий Фомич. Так точно!
- А давайте так... Я постараюсь быстренько уладить свои дела и на выходной присоединиться к вам. Если не будете возражать, конечно.
- Но как вы нас найдёте?
- Это мои проблемы. Заодно костёл Тела Господня¹¹ посетим. Говорят, краса – неописуемая.
- Ещё бы!
- По рукам?
- По рукам, товарищ нарком!

* * *

23 сентября 1939 года в Стране Советов, как и положено, был короткий рабочий день. Суббота!

Фролушкин и Плечов читали лекции в разных корпусах университета и никак не надеялись на встречу.

Но она состоялась.

Случайно.

Фёдор Алексеевич выходил на улицу и в дверях едва не столкнулся с главным продолжателем своего дела.

И хотя особого дефицита общения друг с другом наши герои явно не испытывали – всё же с момента возвращения в Минск профессор продолжал жить, как он сам не раз говаривал, – вместе с молодожёнами, – в их уютной «двушке», радости их не было предела.

– Что, батя, наконец-то – свобода?

– Нас встретила с тобой у входа...

¹¹ Правильное название: фарный костёл Наисвятейшего Божьего Тела, но некоторые люди (особенно православного вероисповедания) иногда говорят: «Костёл Тела Господня». Особой ошибки в этом нет... Так что не обессудьте, уважаемые коллеги – ревнители уникальной белорусской истории. А что значит «фарный» – объясню позже, когда для этого представится удобный случай. – С.Б.

– Точно. Я только забегу ненадолго в деканат – и пойдём домой. А завтра утром вместе отправимся в Несвиж! Машина прибудет в семь утра.

– Ты уже договорился?

– Да. С Толиком. Вы его знаете.

– Это он возил тебя на вокзал в тот день, когда я вернулся из Белокаменной?

– Ага.

– Прекрасно. Вот только сейчас я не могу составить тебе компанию – хочу посетить старую квартиру, проветрить помещения, вытереть пыль...

– Может, сделаем это вместе?

– Не стоит, сынок. Ольга уже надорвала руки – то с малым, то с домашним хозяйством; лучше подмени её на часок-другой.

– Слушаюсь, товарищ профессор!

– Долго я не задержусь. Так что готовьте ужин. Кстати, картошка у нас есть?

– Нет. Вчера закончилась.

– Плохо.

– Сам знаю.

– Сделай милость, купи по дороге немного бульбы¹², уж больно драников¹³ захотелось.

– Будет исполнено, отец!

– Спасибо, родной...

* * *

Плечова разбирало любопытство (очень уж неожиданно Фёдор Алексеевич решил уборкой заняться), но совесть – неизменная спутница каждого истинного интеллигента – не позволяла следить за человеком, которого он безмерно уважал. Да что там уважал – обожал, любил больше отца родного!

Поэтому Ярослав коротко обнял своего учителя и направился в другом, противоположном направлении.

А зря!

Иначе бы он стал свидетелем очередной встречи профессора с таинственным священником и, возможно, признал в нём кое-кого из своих старых знакомых, после чего уже тогда стал бы готовиться к неизбежным неприятностям. Недаром ведь люди говорят: «Предупреждён – значит, вооружён». Значит, сможешь вовремя принять все необходимые меры, чтобы изменить ход событий и в конечном итоге избежать трагического исхода...

Но этого не случилось.

И произошло то, что произошло...

* * *

Первые шаги Санька начал делать ещё несколько месяцев тому назад. Теперь он не просто ходил – летал по квартире, пытаясь везде сунуть свой маленький носик.

Из спальни – в кухню, из кухни по коридору – в комнату любимого «деда».

Потом, нагонявшись за день до седьмого пота, пацан беспробудно дрыхнул до следующего утра.

Но в этот раз что-то пошло не так.

¹² Бульба – картошка (бел.). Даже как-то неудобно сегодня растолковывать такие, ставшие общеизвестными, понятия. – С.Б.

¹³ Драники – картофельные блинчики, очень популярные в Белоруссии.

Несмотря на моросивший за окном дождь, обычно благоприятствующий крепости сна, малыш всю ночь ворочался с боку на бок, часто всхлипывал и звал любимую мамку.

Часам к шести утра Ярославу это изрядно надоело, и он ушёл на кухню.

А там уже колдовал Фёдор Алексеевич!

– Чай будешь, сынок?

– Не откажусь... Но, может, сначала всё-таки пробежимся? Согласно нашей давней традиции...

– Нет уж. Уволь. У меня – законный выходной! Положено. Один раз в неделю.

– От спорта только тогда есть польза, когда занятия ежедневны, систематичны...

– Да знаю я, знаю... Только скакать по лужам мне, старому хрычу, противопоказано. Не дай бог, схвачу какую-нибудь заразу и слягу. В такой ответственный момент, когда «планов громадьё»...

– Ну-ка, ну-ка, о чём вы?

– Ты в окно глянь – дождь всю ночь лил.

– Я не о погоде... Я о планах.

– Тогда пододвигайся ближе... Сахарку брось. Побольше. И мне, и себе... Спасибо, сынок. А теперь – слушай... Да постарайся запомнить.

– Я весь – внимание!

– Моя прапрапрабабушка служила у одного из Радзивиллов. Надеюсь, кто они такие, тебе объяснять не надо?

– Обижаете...

– Никак нет, дорогой мой, никак нет – даже не пытаюсь.

– Спасибо. Можете продолжать, уважаемый Фёдор Алексеевич.

– С тех пор из поколения в поколения в нашем роду передаётся миф о несметных княжских богатствах, которые бабка вроде бы как видела собственными глазами. Честно говоря, поначалу я в это не очень верил... Пока не вырос и не ознакомился с донесением Николая Репнина – российского посла в Речи Посполитой, которое он однажды направил царице Екатерине Второй... Цитирую:

«После блестящего обеда на 300 особ король спустился в подземелье замка и увидел золотые слитки, уложенные до самого потолка. Золота было на сотни пудов, множество золотых украшений да двенадцать апостолов из этого металла и серебра, усыпанных драгоценными камнями»...

– Однако у вас и память!

– Не жалуюсь... С тех пор я заразился идеей разыскать клад и передать его нашему народу. Одобряете такое решение, товарищ аспирант?

– Естественно. Мы ведь уже говорили однажды на эту тему. Но... Как говорится, есть одно «но»: сначала надо найти этих апостолов.

– Вот! Вот! Большинство исследователей уверены в том, что сокровища находятся в огромном тоннеле, который в XVII веке соединял два замка Радзивиллов – Несвижский и Мирский¹⁴... Между ними что-то около тридцати километров...

– Немало!

– Там их, конечно, искали многие авантюристы: и в 1812-м, и в 1815-м, и гораздо позже... Однако, насколько мне известно, успех не сопутствовал никому из них.

– Но ведь отсутствие результатов не означает, что мы должны поставить под сомнение сам факт существования золотых апостолов?

¹⁴ Мирский замок – памятник средневековой архитектуры. Находится на территории посёлка Мир Кореличского района Гродненской области.

– Нет конечно. Слишком многие исторические персонажи видели реликвию и в деталях описали её в своих воспоминаниях.

– Погодите... Выходит, у вас есть вполне обоснованная уверенность, что клад так и находится на прежнем месте?

– Похоже на то. И думаю, мне удалось вычислить, где именно...

– Дайте мне лопату. Немедленно! – встрепенулся Ярослав.

– Погоди. Мы ведь ещё до Несвижа не добрались.

Глава вторая. Поиск в темноте

По роскоши Несвижский замок ничуть не уступает ни одному всемирно известному монаршему дворцу.

Одно лишь количество комнат – 365 (по числу дней в году) на протяжении многих веков неизменно изумляет и впечатляет любого путешественника.

По этому поводу местные старожилы любят шутить (а некоторые и вовсе утверждают со всей серьёзностью!), что, согласно древней традиции, очередной владелец хором еженощно укладывался спать в новом месте¹⁵...

Кто знает, как было на самом деле?

Ведь давно известно: хозяин – барин! И у каждого, как говорится, свои тараканы!

Однако продолжим наше повествование...

Каждое помещение украшали королевская мебель, редкие персидские ковры, полотна именитых художников, уникальные коллекции хрусталя, оружия, монет и медалей.

Кроме того, в замке находилась уникальная библиотека из двадцати тысяч томов и архив Великого княжества Литовского.

Но всё это великолепие моментально меркло перед привезенными из Константинополя золотыми статуями евангельских апостолов, отлитыми, как уже неоднократно говорилось, в полный рост.

Хранились они в тайном месте – «скарбце», то есть специальном хранилище, оборудованном глубоко под землёй.

Однако дверь, скрывавшая ведущие вниз ступеньки, оказалась на замке. И профессор Фролушкин в первый (но не в последний) раз искренне пожалел об отсутствии Лаврентия Фомича.

Столь несущественные проблемы всемогущий нарком разрешил бы в мгновение ока.

Однако не всё ещё потеряно – ведь Цанава обещал присоединиться к ним, как только покончит со своими служебными делами...

* * *

Путь к святым святым, то есть к месту, где хранились золотые статуи, первоначально был известен лишь князю и его управляющему замком.

Но шло время, и тоннель стал доступен для более широкого круга лиц, который включал в себя и научных сотрудников, и действующих священников, и даже любознательных местных мальчишек.

Однако, как мы знаем, за минувшие столетия ничего особенно выдающегося в Несвиже никто так и не нашёл. А саму дверь, ведущую в подземелье, церковники надёжно заперли, дабы уберечь историческое место от наплыва разного рода авантюристов и ротозеев.

Что делать?

Фролушкин предложил дожидаться Лаврентия Фомича Цанаву.

А пока...

К примеру, можно было посетить расположенный на территории дворцового комплекса костёл Наисвятейшего Божьего Тела, построенный итальянским зодчим Джованни Бернардини по собственному проекту ещё в шестнадцатом веке.

¹⁵ На самом деле в Несвижском дворце чуть больше сотни больших и малых залов. Но автор не собирается вносить коррективы в городские легенды, многим из которых уже несколько веков.

Плечов, втайне от профессора много месяцев подряд штудировавший особенности европейской средневековой архитектуры, только этого и ждал.

Спустя всего несколько минут они оба уже наслаждались незабываемым видом центрального фасада величественного древнего сооружения, увенчанного цитатой из 8-го стиха 5-го псалма Давида, естественно – на латыни: «Поклонюсь святому храму твоему в страхе Твоём».

Оставалось только войти в гостеприимно распахнутые двери.

А там...

Чего там только не было!

Ярослав, естественно, давно знал в деталях обо всех достоинствах и недостатках нефов¹⁶, апсид¹⁷ и прочих оригинальных элементов архитектуры Несвижской жемчужины. И всё равно продолжал восторженно оглядываться по сторонам, восхищаясь и вдохновляясь окружающей его красотой...

Особенно впечатлило молодого учёного монументальное полотно «Тайная вечеря» кисти придворного художника Радзивиллов Ксаверия Доминика Геского, украшающее главный алтарь католического храма.

Поражённый до глубины души, Яра не мог сдвинуться с места до тех пор, пока на его плечо не опустилась рука, тяжесть которой агент уже знал.

– Товарищ нарком? – вопросительно пробормотал он, медленно поворачивая голову.

– Так точно. Собственной персоной.

– А где батя?

– Чей?

– Мой... Фёдор Алексеевич...

– Это я у тебя хотел спросить.

– Странно... Что-то на сердце у меня сегодня беспокойно... Может, какую беду вещует?

– Предчувствия игнорировать нельзя. Так что – сплунь! И – быстро во двор! Я налево, ты – направо. Если раньше не встретимся – жди меня у центральных ворот костёла через пятнадцать минут.

– Слушаюсь, товарищ нарком.

– Кстати, со мной ещё несколько человек. Может, их тоже подключим к поиску?

– Не вижу необходимости. Пока.

– Согласен.

Они одновременно выбежали на улицу и стали действовать по намеченному плану.

Сначала повезло Цанаве. Именно ему удалось обнаружить пропавшего профессора в расположенной неподалёку часовне.

Фролушкин стоял на коленях перед облачённым в монашеское одеяние худощавым парнем не старше тридцати лет, безучастное бледное лицо которого покрывал нетронутый юношеский пушок, совершенно не свойственный мужчинам такого, достаточно зрелого, возраста, и... безутешно рыдал.

* * *

Небольшая приземистая часовня (у католиков – капличка) с узким окошком по фронтому была построена в середине XVIII века неким Скандербегом Булгариным, предком русского писателя Фаддея Булгарина.

Нередко её называют «Башней Убийцы».

Почему?

¹⁶ Неф – вытянутое помещение, ограниченное рядом колонн или столбов.

¹⁷ Апсида – пониженный выступ здания, перекрытый полукуполом или сомкнутым полусводом.

Однажды Скандербег застрелил из ружья своего соседа – помещика Узловского, и в соответствии с Литовским Статутом был обязан заплатить его родственникам «виру» («поголовье»), то есть, по сути, отступные или откупные – кому как угодно.

Состоявшийся вскоре суд постановил отдать потерпевшим целый ряд деревень и вместе с ними – крестьянских душ. Но ещё задолго до этого решения родственники погибшего начали шантажировать обвиняемого с целью увеличения размера компенсации. Вот он и решил во искупление грехов построить «вежу» – небольшую башню, куда стали помещать невольных убийц.

С тех пор в костёле, по просьбе Булгарина, неподдельно сожалевшего о случившемся, ежегодно стали служить мессу-молебн по невинно убиенному помещику Узловскому. За это Скандербег заплатил служителям храма на 350 лет вперед...

В этой самой часовне и нашёл Плечов своих «подельников».

Картина вызывала умиление и сострадание.

Явно неадекватный монах.

Всемирно известный учёный, стоящий перед ним на коленях.

И утешающий его нарком НКВД с далеко не однозначной репутацией...

* * *

– Батя, кто это? – еле выдохнул Плечов, поднимая профессора с колен.

– Мой сын... Павлик...

– Он что, не разговаривает?

– Нет.

– А понимает?

– Не всё...

Послушник кивнул узким, выпирающим подбородком и криво улыбнулся, обнажая редкие, начинающие чернеть зубы. После этого без лишних слов задрал рукав рясы и продемонстрировал присутствующим свои руки – тощие, покрытые глубокими кровавыми ссадинами и фиолетовыми синяками. То ли его держали связанным, то ли пытали, избивая какими-то, как любят выражаться эксперты-криминалисты, «колюще-режущими предметами...»

– Кто так издевался над ним? – зло спросил Цанава.

– Бог его знает, – тяжело вздохнул Фёдор Алексеевич. – Я хотел поговорить с епископом, но не смог его найти.

Вдруг снаружи донёсся какой-то шум. Противно заскрипели давно не смазываемые петли. Куда-то девалась (как будто испарилась!) и без того узкая щель между дверью и коробкой, через которую в глубь часовни ещё недавно проникали слабеющие с каждым осенним днём солнечные лучи...

Лаврентий Фомич обнажил пистолет и бросился к выходу.

Он был заперт!

– А, чёрт... Хотите верьте, хотите – нет, но я нутром чувствовал, что благодаря вам непременно влипну в какое-то дерьмо... С нашей гнилой интеллигенцией надо круглосуточно держать ухо востро. Эй, там, снаружи, кто-то слышит меня?

В ответ – только гулкое эхо.

Тогда Цанава направил ствол в потолок и нажал на спусковой крючок, удостоившись за это укоризненных взоров товарищей по несчастью, искренне переживавших за сохранность народного добра.

Несколько минут спустя в дверь кто-то постучал. Сначала рукой, затем прикладом.

– Товарищ нарком, вы там?

– Тут, конечно, где же ещё! Это ты, Балабанов?

- Так точно!
- Открывай немедленно.
- Чем? У меня ключа нет.
- Попробуй стрелкнуть в замок...
- Не поможет... Здесь такая машина – три дня сбивать кувалдой придётся.
- Понял... Ты один или с кем-то ещё?
- Один. Козырев за углом остался.
- Так свистни его сюда. Быстрее!
- Лёха!
- Ов!
- Ко мне!
- Иду...
- Сколько раз можно повторять? Отвечать надобно исключительно по Уставу!
- Слушаюсь!
- Не «слушаюсь», а «есть»...
- Что есть?
- Есть, товарищ сержант госбезопасности.
- А... Понял...
- Учи Устав, Лёха, не то ты у меня из наряда до конца дней своих не вылезешь...
- Так точно, товарищ сержант!
- Что «так точно», что «так точно»?
- Отставить, Балабанов! – заорал Цанава из глубины часовни. – Меньше говори – больше делай!
- Есть!
- Пошли Козырева за настоятелем, а сам оставайся возле двери.
- Есть!
- И не вздумай отойти – голову сверну...

* * *

– Мы-ы-ы, – громко промышчал юродивый послушник, тыча пальцем себе под ноги.

Профессор жестом отослал неразумного сынка в дальний левый угол помещения и принялся рьяно разгребать землю в указанном им месте. Вскоре его руки нащупали нечто вроде деревянного настила, посреди которого торчало металлическое кольцо. Подоспевший на помощь Ярослав потянул за него, и взорам собравшихся открылся вход в подземелье.

Павлик, взявший на себя роль проводника, первым начал спускаться вниз; потом – старший майор Цанава; за ними – Плечов и Фролушкин.

Правой рукой Лаврентий Фомич твёрдо сжимал рукоять пистолета, левой – продолговатый корпус ручного фонарика.

Похоже, нарком оказался единственным из всех членов дружного коллектива, кто давно предполагал именно такое развитие событий и заранее готовился к нему.

Что это? Интуиция, профессиональная, так сказать, «чуйка»? Или же ему больше остальных было известно о сокровищах Несвижского замка?

Последнее предположение в глазах маститых учёных выглядело весьма сомнительным, но всё же...

Тоннель оказался достаточно широким, к тому же с каждым метром он всё больше увеличивался в размерах, пока не стал таким, что в нём мог свободно передвигаться, даже не нагибаясь, человек самого высокого роста.

– Красота... – обнажил белые ровные зубы Лаврентий Фомич. – Будто в метро гуляем!

– Про метро вы, конечно, загнули, – возразил Фролушкин. – Однако – чистая правда – никакого дискомфорта я лично пока не ощущаю.

– В отличие от Балабанова и Козырева, – усмехнулся старший майор. – Представляю, какие чувства будут испытывать они, когда войдут в часовню и обнаружат, что там никого нет.

– И это правда. Насчёт нас с Ярой они переживать не станут, а вот ваше отсутствие наверняка повергнет их в ужас!

– Ничего. Небольшой стресс иногда полезен для общего здоровья!

– Стресс... Вы даже такие слова знаете?

– А то! Я недавно читал работы Уолтера Кэннона¹⁸. Причём – в оригинале!

– Вы нас искренне удивили, Лаврентий Фомич. Даже не удивили, сразили, как говорится, наповал.

– То ли ещё будет, господа!..

– Ме-бе-ме, – опять забормотал Павел, останавливаясь у развилки, после которой тоннель делился на две ветки – так, видимо, он пытался указать направление, в котором им следовало двигаться, то есть вправо.

Но только компания вошла в поворот, как впереди оглушительно гроыхнул одинокий выстрел.

– Ложись! – мгновенно среагировал Цанава.

– Ба-бах! – снова раздался угрожающий звук, и что-то просвистело над головами.

– Покушение на наркома... – зло констатировал Лаврентий Фомич, без промедления бросаясь в погоню. – Тридцать лет расстрела без права переписки!

* * *

– Ого-го, – указал в противоположную сторону юродивый. – Ай-яй-яй!!!

– Что, что ты хочешь сказать, сынок?

Сумасшедший послушник сначала развёл в стороны неуклюжие руки, затем несколько раз подряд сомкнул их на животе.

– Похоже, что там, впереди, тоннель снова сходится...

– У-у-у, – закивал Павел.

– Я понял, – хмуро улыбнулся Плечов. – Он предупреждает, что нас могут обойти сзади и напасть с тыла. Ладно... Ждите меня здесь. Я скоро!

– Будь осторожен, Яра.

– Не волнуйся, отец. Ничего с нами не случится. До самой смерти.

Он бросился назад, к развилке, и в кромешной тьме повернул налево. Прильнул спиной к стене тоннеля и начал медленно двигаться вперёд.

И вдруг вдали блеснул тусклый огонёк.

«Нет, это конечно же не фонарь Цанавы»...

К счастью, через несколько метров в стене оказалась какая-то неглубокая вмятина, ниша, в которой когда-то, судя по всему, стояла статуя.

Плечов забился в неё и стал терпеливо ждать.

Когда сгорбленная фигура в сутане с зажжённой керосинкой в правой руке наконец поравнялась с ним, Ярослав что было сил залепил своим неслабым кулаком по скрывавшемуся под балахоном лицу.

Такого удара не смог бы вынести ни один самый тренированный соперник.

Однако незнакомец каким-то странным образом всё же устоял на ногах!

¹⁸ Американский психофизик, впервые в мировой практике употребивший термин «стресс» – ещё в 1932 году.

Он только взвыл диким голосом не столько от боли, сколько от неожиданности и попытался выхватить заткнутый за широкий пояс пистолет.

Но не тут-то было!

Заученным движением Плечов выбил оружие и принялся наносить удар за ударом, пока противник не упал.

Яра посветил лампой.

«Чёрт, больно знакомая рожа... Только – чья? Жаль... немного перестарался, так разукрасил несчастного, что его и мать родная теперь не сразу узнает!»

* * *

Плечов схватил за ноги недвижимое тело и поволок туда, где его поджидали Фролушкин и Павел.

Как вдруг...

Сзади раздался грозный окрик.

– Стой! Стрелять буду! Руки вверх!

Конечно, в других условиях Яра сразу бы узнал Цанаву, но здесь, в тёмном подземелье, где многоликое эхо до неузнаваемости искажает каждый голос, ошибиться было немудрено.

Он бросил поверженного врага посреди тоннеля и начал медленно поднимать руки, одновременно поворачивая голову на звук.

В это время «труп» ожил, вскочил, ударил Ярослава, развернулся и, петляя, помчался прямо на Лаврентия Фомича.

От неожиданно нарком опешил и вместо того, чтобы выстрелить в противника, отпрянул в сторону.

– Упустили! Прошляпили! – орал на него Плечов, но было уже поздно – незнакомца и след простыл.

* * *

– Откуда я мог знать, что это ты? – неуклюже оправдывался Цанава, прекрасно осознавая свою вину.

Яра молчал.

– Ну, скажи хоть что-нибудь...

– Тьфу на вас! Легче?

– Конечно, дорогой. Конечно, легче... Я ведь уже было подумал, что ты онемел от досады. – И вообще никуда этот гад от нас не денется. Достанем – и обезвредим. Вопрос времени... Вот выберемся наверх – и дам указание оцепить город. Только никому не рассказывай о моём косяке...

– Ладно. Будете должны.

– Ты только скажи – я сразу... Договорились?

– Лады, товарищ старший майор!

В подземном тоннеле царили мрак и холод, Павел начал мёрзнуть. Отец прижал его к себе и накрыл пиджаком, хотя сам был одет ещё более легко.

И тут где-то вдали вдруг блеснул одинокий тусклый лучик. Затем – ещё раз. Уже ближе.

Причём не с того направления, в котором ушёл Цанава, а с противоположного.

Но ведь Плечов, как известно, с собой фонаря не брал...

Фёдор Алексеевич приподнялся, похлопал сына по плечу, мол: «Беги!» – и принял боевую стойку.

Павел несогласно покачал головой в ответ.

Сначала из темноты вынырнул один силуэт, за ним – другой.

«Кто же это, кто?», – терялся в догадках профессор, но с каждым мгновением всё больше убеждался – свои!

Вскоре все наши герои воссоединились и отправились в обратный путь...

* * *

В старинной часовне горевали двое подчинённых Лаврентия Фомича. Каждый из них в мыслях рисовал самые мрачные картины.

Всем ведь уже ясно, что наркома похитили коварные враги, уведя его в неизвестном направлении через так и оставшийся незапертым подземный ход.

А раз так, то теперь им точно не сносить головы...

Когда из подземелья слышались шаги, оба решили занять «круговую оборону». Но из открытого люка показалась сначала рука с зажжённым фонарём, а затем и форменная фуражка с васильковой тульёй, и парни наконец-то смогли вздохнуть с облегчением.

– Товарищ нарком, родненький, где вы так долго пропадали? – восторженно протарахтел Балабанов, пользуясь правом старшего по званию.

– Где, где... В общем, люди взрослые, сами знаете в каком месте.

– Печально, но ключ мы так и не нашли...

– А дверь как открыли?

– Я стрелял из карабина, целый магазин патронов израсходовал, а Козырев, как проклятый, безостановочно махал пудовой кувалдой... Так, общими усилиями, и достигли цели.

– Теперь сообща новый замок покупать будете.

– Но, товарищ нарком...

– Да шучу я. Шучу. Настоятеля так и не нашли?

– Никак нет! – точно цитируя одно из самых распространённых требований устава, бодро отрапортовал Козырев. – Правда, какой-то тип в рясе, длинный, тощий, по пути мне всё-таки попался. Точнее, он сам на меня налетел, чуть с ног не сбил – так спешил куда-то. Я его припугнул, на всякий случай, мол, гони ключи от часовни, гадина поповская, а он: «Моя по-русски не понимает»...

– Описать его можешь? – загорелся Плечов.

– Кого?

– Ох, и туп же ты, братец...

– Попа?

– А ты ещё с кем-то встречался?

– Сказал же: высокий, худой, как наша родная черноморская тюлька, чё ещё?

– Глаза какие?

– Вредные! Колючие!

– Волосы, уши?

– Так сразу не разобрать... Мы же всего несколько секунд с ним общались.

– А потом?

– Потом он махнул рукой и побёг далее...

– Узнаешь его при встрече?

– Несомненно!

– Опять ты за своё?

– Так точно!

– Ладно. Свободны! – Лаврентий Фомич взял бразды правления в свои руки. – Ждите нас у входа в костёл. Да... Ещё... Балабанов!

– Я!

– Ближе к вечеру всю эту шушеру поповскую соберёшь в одном месте – и доложишь. Как только освобожусь, побеседую с ними по душам...

* * *

– Ну что будем делать, товарищи? – поинтересовался Цанава, нервно переводя взгляд с одного учёного на другого.

– Обедать. Кушать хочется невыносимо, – чистосердечно признался Фёдор Алексеевич.

– Угу-гу, – нечленораздельно согласился с мнением профессора его юродивый отпрыск.

– Могу предложить только скупой казенный харч. Хлеб. Тушёнка.

– Мы люди избалованные. Нам первое-второе подавай. Причём – ежедневно.

– Боюсь, что наш родной советский общепит в эту глушь ещё не добрался.

– Печально. Но когда-то здесь были два-три неплохих польских ресторанчика. Пойдём, поищем?

– Не возражаю. Кто угощает?

– Я. Как-никак Несвиж – моя родина, выходит, вы у меня в гостях.

– Это уже по-нашему, по-кавказски!

– И по-белорусски тоже! – заверил Ярослав.

– Выходит, законы гостеприимства одинаковы для всех народов?

– Скажу так: они не имеют национальности.

– Bravo-браво! Прекрасно сказано, – шутливо поаплодировал нарком.

– Спасибо на добром слове.

– Пожалуйста... А сейчас – построились... Тьфу ты, чёрт... Вперёд, товарищи!

* * *

Начали конечно же с борща.

Свекольник был потрясающим – настолько вкусным, что каждый из компании управился со своей порцией за считанные минуты. Быстрее всех – Павлик, похоже, что в костёле его совсем не кормили. Или кормили очень плохо.

Пока ждали второе – завязали разговор про жизнь-бытьё, скоро переросший в монолог или, если хотите, исповедь профессора:

– Семья наша была, может, и не самой богатой, но одной из наиболее образованных во всей Белоруссии – это точно. Отец преподавал в первой белорусской гимназии, которая, между прочим, открылась на сто лет раньше российской... И тут его за какие-то грехи перевели из Минска в Несвиж – по одним данным просто выслали за революционную деятельность, по другим – откомандировали поднимать упомянутое выше учебное заведение. Здесь он и познакомился с моей мамой – лучшей выпускницей знаменитой местной балетной школы... Да-да, не улыбайтесь – была в Несвиже и такая! А в 1880 году у них родился первенец. То есть я. Назвали меня в честь деда – Фёдором. Второй ребёнок – Василий – появился на свет через три года, но долго не прожил – умер, когда мне не исполнилось и шести лет. Я его помню плохо, но старшие соседские ребятишки шептались, что у него было не всё в порядке с головой. Может, поэтому родители больше не рисковали заводить детей...

Васькина смерть больно ударила по моей неустойчивой ещё психике, что, видимо, и сказалось значительно позже, когда у нас родился сын. Степан. Имя Павел ему дали в монастыре, на другое он уже не отзывается... Со своей будущей женой я, кстати, познакомился в этом самом ресторанчике, когда прибыл на каникулы из Виленского университета – Настя в нём

прислуживала. Вот такая моя история... Ну, беритесь за вилки, дорогие друзья, а то вареники стынут!

– Надеюсь, вы прибыли сюда не только для того, чтобы пробудить светлые юношеские воспоминания? – покосился на профессора Цанава, поблескивая хитрыми чёрными глазами.

– Нет конечно... Что, сынок, откроем тайну товарищу наркому?

– От нашей организации не должно быть тайн ни у одного гражданина Страны Советов! Ни у рядового пролетария, ни у всемирно известного философа. Ясно?

– Так точно! – откликнулся профессор Фролушкин, и в самых потаённых мыслях не ожидавший от самого себя подобной прыти.

– А хотите, я угадаю, что вас привлекло сюда, а?

– Попробуйте, – с любопытством воззрился на наркома Плечов. – С трёх раз.

– Мне и одного хватит... Вас интересуют золотые статуи. – Лаврентий Фомич решительно поднялся из-за стола, на котором ещё стояла неубранная посуда, и принялся ходить по ресторанной террасе. – Я прав?

– Ваша проникательность не знает предела... – удивился Фёдор Алексеевич.

– А вы знаете что...

– Знаем. И не собираемся присваивать себе то, что принадлежит всему нашему народу, – предугадал ход мыслей старшего майора Ярослав. – Апостолы будут переданы представителям советской власти, как только мы их найдём.

– Это меняет дело. К тому же не самый последний представитель этой самой народной власти сейчас находится рядом с вами, – сменил гнев на милость Цанава. – Так что за работу, товарищи учёные!

– К сожалению, нам придётся сделать небольшой перерыв – завтра рабочий день, и у нас с Ярославом очень много дел в университете...

– Вы больше ни о чём не должны беспокоиться! Повторяю: ни о чём! Правда, сейчас я, к сожалению, вынужден вас оставить и срочно выехать в Минск – сегодня в наркомате важное совещание, но уже во вторник вернусь. Все свои и ваши проблемы к этому времени улажу. И чтобы у вас тоже всё было готово.

– Что вы имеете в виду?

– Статуи найдены и упакованы в ящики.

– Это не так просто...

– А вы постарайтесь... Балабанов и Козырев на неопределённое время остаются в вашем полном распоряжении. Чтобы уберечь вас от врагов народа, которых здесь, кажется, хватает. Это раз. И не дать вам возможности совершать необдуманные поступки – это два...

* * *

– Ну, куда теперь? – растерянно озираясь по сторонам, спросил Фёдор Алексеевич, когда автомобиль с наркомом внутренних дел Цанавой на переднем пассажирском сиденье, обдав свинцовыми парами учёную братию с «примкнувшими к ней» Балабановым и Козыревым, наконец-то отчалил от городской площади у костёла Божьего Тела.

– Опять в подземелье, – вздохнул Яра так тяжело, будто ему предстояло заняться непосильным рабским трудом в средневековой каменоломне.

– Мы-гы, бэ-вэ, – в ответ на это начал «блехать» полоумный монах, сопровождая свою странную речь безудержной жестикуляцией, лишённой каких-либо признаков координации с головным мозгом. – Там, – тем не менее закончил он вполне членораздельно.

– За ним! – решил профессор.

У левой стены костёла стояла небольшая каменная тумбочка. Ни слова не говоря, юродивый шмыгнул в её дверцу. Остальные, пригибаясь, последовали за Павлом, чтобы очутиться (это выяснилось очень скоро) в родовой крипте¹⁹ Радзивиллов.

Но прежде они заглянули в небольшую комнатушку, где, по всей видимости, Павлику предоставили обитель – пол в ней был устлан тёплыми вещами и даже шкурами диких животных из чьей-то охотничьей коллекции (может быть, самих князей Радзивиллов?). Там Ярослав взял керосиновую лампу и на всякий случай прихватил грубую палку, непонятно кем и для каких целей, оставленную в ближнем, поросшем паутиной, уголке, после чего возглавил процессию, направившуюся в соседнее помещение.

А там...

Там наши герои сразу обнаружили множество деревянных гробов (102²⁰ – насчитает позже Плечов). Причём – не простых. В середине каждого из них, как в русской матрёшке, был ещё один. К тому же в крышки саркофагов было вмонтировано толстое стекло, чтобы посетители могли разглядеть лица усопших²¹.

А один гроб и вовсе оказался с... горбом. О его происхождении за минувшие века народ сложил множество разнообразных и часто противоречащих друг другу легенд.

С некоторыми из них всезнайка Фролушкин не замедлил ознакомить своих спутников.

Вот – первая и самая распространённая...

Якобы в Средние века одна из дочерей князя Радзивилла влюбилась в обычного бедного паренька и в скорости забеременела от него. Чтобы избежать позора, родители объявили дочь сумасшедшей и заточили несчастную в одной из башен замка. Там она и родила дочурку.

Дальше – хуже.

По приказу князя дитя выкрали. Но одна, сохранившая верность юной роженице, служанка открыла оной горькую правду.

Княгиня мгновенно скрючилась от горя и... умерла.

При этом затвердевший труп никто не смог разогнуть, и похоронных дел мастерам пришлось изготовить горбатый гроб!

А вот – вторая легенда: мол, в гробу покоится тело юной дочери Богуслава Радзивилла – Людвики. Любящие родители планировали выдать её замуж за влиятельного австрийского принца, но девушка полюбила другого – простого конюшего – и собралась бежать с ним прямо с предсвадебного бала. Однако отец пронюхал об их коварном замысле и бросил юношу в темницу, а Людвика, ничего не зная о случившемся, продолжала действовать согласно ранее намеченному плану и явилась в условленное место в одном бальном платье да лёгких летних туфельках.

Так она и замёрзла...

Хотя на самом деле и эта версия оказалась неправдивой.

Когда саркофаг с треугольной крышкой вскрыли (нет, не наши герои, а польские исследователи ещё в 1905 году), оказалось, что в нём находится тело... 74-летней Аделии Карницкой-Радзивилл. А «повышенная горбатость» гроба объясняется лишь тем, что организаторы траурной церемонии решили отправить в потусторонний мир вместе с почившей старушкой... её любимую цветочную вазу.

¹⁹ Крипта – одно или несколько подземных сводчатых помещений, где выставлены для почитания мощи святых и мучеников. Располагается обычно под алтарной и хоральной частями храма.

²⁰ Именно такое количество саркофагов было указано в польской монографии 1937 года. Сейчас их значительно меньше – 70. Плюс 2 каноны и одна урна с прахом.

²¹ На самом деле, такие «окошки» есть лишь в крышках нескольких внутренних гробов, в которых захоронения произведены с использованием метода герметизации. Разглядеть через них останки – невозможно. Надеюсь, никто из вас, дорогие мои читатели, не станет обижаться на меня за этот маленький обман. – С.Б.

Балабанова и Козырева, затаив дыхание слушавших старого философа, эти байки не только впечатлили, но и напугали до глубины души. Однако окончательно добила их не эта, а следующая усыпальница, содержащая помимо взрослых 12 маленьких гробиков.

С ней была связана ещё одна, не менее ужасающая легенда, с которой впечатлительных воинов поспешил ознакомить всё тот же разошедшийся профессор.

Итак... В том склепе почивали многочисленные отпрыски Михаила Казимира и его супруги Катажины Собеской. Из тридцати трёх их детей и внуков выжили только четверо. Представляете, в каком психическом состоянии пребывала несчастная бабушка и мать?

С тех пор её душа, вселяясь в сову, каждый день прилетает к склепу и вопит истощенным голосом – да так, что у всех, кто слышит это «божественное пение», волосы на головах встают дыбом...

Когда Фёдор Алексеевич закончил свой жуткий рассказ, в подземелье раздался душераздирающий крик.

Балабанов бросил очередной взгляд на неподвижное детское тельце и вдруг услышал странный скрип, доносящийся изнутри гроба. Как будто кто-то пытался приподнять его крышку...

– А-а!!! – завизжал служивый и бросился прочь, увлекая за собой единственного подчинённого, кстати, не менее испуганного и растерянного...

На учёных же мистика никакого действия не возымела.

Как только бойцы покинули подземелье, Ярослав приложил указательный палец к губам, призывая компаньонов соблюдать тишину, и на цыпочках пошёл туда, откуда только что доносились ужасные вопли. Наконец он добрался до стены, преградившей им путь, и приставил к ней ухо.

После этого вернулся в центр крипты, хорошенько разбежался и со всего маху врезался плечом в тонкую кирпичную кладку. Та не выдержала напора – рухнула, в мгновение ока рассыпавшись на мелкие части и обдав присутствующих строительной пылью.

А когда «туман» окончательно рассеялся, пред ними открылся вход в другое помещение, посреди которого на роскошном старинном стуле сидел человек в епископском одеянии. Его руки были связаны за спиной, во рту несчастного торчал кляп из тряпок. Разбитый нос, под которым запеклись капли крови, практически не дышал.

То есть ещё чуть-чуть, всего несколько минут – и он просто бы задохнулся...

* * *

– Вы кто? – строго спросил Яра, вырывая кляп изо рта испуганного священника.

– Успокойся, сынок... Это викарий Колосовский, в апреле его прислали в помощь управляющему епископу, который часто болеет. Скажи, Гжегож, кто это так поиздевался над тобой?

– Диакон Пчоловский...

– Кто? – вырвалось у Ярослава.

– Пчоловский, – повторил викарий. – Вам знакомо это имя?

– Возможно...

– Уж не тот ли это тип, с которым ты передавал мне записки? – спросил Фёдор Алексеевич.

– Да, он... – выдохнул викарий.

– Что между вами произошло?

– Не знаю... С тех пор как к нам пришла Красная армия, его словно подменили...

– Как он выглядит? – уточнил Славка.

– Высокий, худой...

– Всё ясно... Это тот тип, кого встретил Козырев, и с кем я столкнулся в подземелье, – констатировал Ярослав.

– Что он здесь делает?

– Служит. Больше ничего добавить не могу: мы пришли в собор в одно и то же время, я из Пинска, он из Белостока, и мало знаем друг о друге.

– Павлика пытал тоже Пчоловский?

– У-у-у, – обычным образом подтвердил юридивый.

– Где он может быть сейчас?

– У Марека здесь своя комната – сразу за помещением, где мы переодеваемся.

В комнате диакона царил беспорядок, переходящий в откровенный хаос.

Кровать, под которой валялись тёплые, отороченные мехом, тапочки, была не заправлена. Подушка вообще покоилась отдельно от остального постельного белья – причём почему-то на полу.

На письменном столе, покрытом толстым слоем пыли, лежала раскрытая школьная тетрадь в клеточку, почти до конца исписанная мелким, каллиграфическим почерком (её Ярослав поспешил незаметно «реквизировать»).

На самодельной деревянной полке, кое-как прибитой к аккуратно выбеленной стене, стояли книги на польском, немецком, русском языках, и конечно же на латыни. Искать в них какую-то общую, объединяющую тематику, не имело смысла. На любой вкус: и художественно-беллетристические, и религиозные, и военные.

В ближнем правом углу как попало была брошена грязная обувь: сапоги вперемешку с башмаками, туфли, калоши; на спинке реликтового стула висела тщательно отутюженная католическая ряса – сутана, единственное «светлое пятно» в этом «свинарнике», как образно выразился подмечавший каждую мелочь Фёдор Алексеевич...

Самого хозяина «уютных апартаментов» найти конечно же не удалось.

Фролушкин, Плечов, а с ними и умалишённый Павлик обшарили всё, что только было можно.

Нигде ни следа!

Что делать?

– Пошли отдыхать, – предложил профессор. – Поздно уже. А завтра с новыми силами приступим к дальнейшим поискам. Всё же утро вечера мудренее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.